

МАСТЕРА СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

ДАР ПЕРЕВОПОЛОЩЕНИЯ

ЕГО НЕ ТАК УЖ трудно узнать на сцене. Ну, конечно, это Евгений Яковлевич! Крупная мужественная фигура, крутой посадки голова и, пожалуй, знакомый голос. Я употребляю слово «поялуй», потому что голос и вроде Диордиева, и уже не совсем его. Теперь он принадлежит герою. Как же, как глаза, взгляд, жесты.

Узнаванию Диордиева почти одновременно сопутствует и удивление. Да неужто это он?

А потом наступают мгновения, минуты, положенные краткие часы театрального действия, когда жизнь на сцене целиком захватывает тебя: чужие чувства, мысли, поступки становятся близкими тебе, и о всем условном. — о программке, зажатой в руке, о фамилии артиста, о фанере декораций как бы забываешь.

Все это вместе и есть театр. Ощущения, возникшие в тебе, подарены прежде всего искусством перевоплощения актера.

Талант Диордиева и проявляется в искусстве удивительного перевоплощения. Он не просто входит в роль, усваивает сумму приемов, досконально изучает материал, чтобы верно воспроизвести образ. Нет, он себя начинает чувствовать так, как должен чувствовать его герой. Он будет смотреть на мир его глазами, радоваться его радостями, гневаться его гневом. Не маску оденет он на себя — движения души определяют поведение артиста.

Кем только он не бывал за свою сценическую биографию! Десятки и десятки ролей. О многих я знаю только по рассказам, другие ношу в своей памяти.

Диордиев тяготеет к горьковской драматургии, отчасти и к Чехову. Одна из его первых удач — Александр в «Последних» Егор Булычев — достижения артиста сравнительно недавних лет. В его исполнении привлекали масштабы и противоречия личности. Диордиев достоверно передавал стихийную силу натуры Булычева, его ум и бесплодный протест против окружающей среды, к которой он сам принадлежал. Его одиночество, его обреченность — и социальную, и физическую.

Односложные характеры — не по душе Диордиеву. С упоением он работает над королем Лиром — разве мог пройти художник мимо Шекспира! Но не только Шекспир, и античная классика оказалась ему по плечу. Помнится, в «Эдипе-царе» Софокла мне почему-то мешал поначалу нелепый, как казалось, хитон. А потом я, должно быть и другие зрители, забыл о хитоне. К нам неожиданно приблизилась древняя трагедия самоуверенного царя, ее нравственные уроки, ее человечность. Мы слышали искренний, обыденный, с легкой хрипотцой голос, полный горя, сознания своей глубочайшей вины перед людьми, голос человека, осудившего себя не судом богов, а судом собственной совести.

К властным и сложным натурам относится и генерал Перовский в пьесе «Надежда» горит впереди Н. Анона и М. Су-

лимова. Конечно, Диордиева и в образе этого верного и жестокого царского служаки и одновременно культурного русского интеллигента, знавшего Пушкина, любившего литературу, прежде всего интересовала сама сердцевина, классовая суть. Актер так исследовал время, так изучил Перовского и его окружение, так вошел в роль, что порою импровизировал. Режиссер волновался, выходил из себя, но потом оказывалось, что реплики Диордиева отнюдь не нарушали гармонии спектакля.

...Художник-гражданин Евгений Яковлевич всей душой стремится воплотить на сцене черты нашего современника. Он бывал и командармом, и колхозником, и советским интеллигентом творческой профессии. Люди, знающие цену ремеслу и трудолюбию, неудержимо влекут его к себе. Однажды спектакль «Ленинградский проспект» смотрел в Алма-Ате Николай Дмитриевич Мордвинов.

— Да ведь Забродин у Диордиева, пожалуй, лучше, чем у меня. Определенно лучше. — И добавил, как бы оправдываясь: — Но я-то романтик...

...В нынешнем сезоне Диордиеву, к сожалению, не пришлось сыграть нашего современника. Точкой приложения сил артиста оказалась на этот раз недавно поставленная молодым режиссером В. Ванярой пьеса американского драматурга Юджина О'Нила «Любовь под вязами». Семидесятилетний фермер Эфраим Кэбот в исполнении Евгения Яковлевича стал центром интересного спектакля.

Долгие, иногда мучительные репетиции, постеленный процесс вживания в образ. В день спектакля Евгений Яковлевич думает только о своем герое, стараясь по возможности не обременять себя посторонними мыслями, и часа за полтора до начала приходит в театр уже его походкой, тяжелой и усталой походкой фермера. Я зашел к нему в гримуборную минут за сорок до начала спектакля. Евгений Яковлевич как-то отрешенно, голосом Кэбота отвечал на мои вопросы, напряженно всматриваясь в зеркало. Нэля Старкова уже давно протянула ему парик, а гримировался он сам, видимо, постоянно держа в памяти слова О'Нила о Кэботе: «У него суровое, как бы высеченное из камня лицо, но что-то выдает в нем слабость и мелочное тщеславие». Евгений Яковлевич наносил один штрих за другим, добиваясь вообразимого портретного сходства.

И вот мы встречаемся на сцене с властным собственником и деспотом Эфраимом. Но не на этих чертах сосредоточивается Диордиев, хотя и не обходит их. Для артиста самое привлекательное в Кэботе — неистребимая жажда жизни, любовь к природе, к труду.

— Небо... Оно теплое, как свежеспаханное поле.

Эти слова звучат негромко, но с великой убежденностью и восхищением земледельца.

Артист шаг за шагом раскрывает всю сложность и глубину далеко не светлой, но мужественной натуры фермера, которому судьба жестоко мстит за жадность и за старческую похоть.

Думая об актере после спектакля «Любовь под вязами», я невольно возвратился к другому образу, созданному Диордиевым лет десять тому назад. В шолоховской «Поднятой целине» он сыграл далеко не главную роль старого хуторского кузнеца Ипполита Шалого. Но как сыграл!

У зрителя вполне свежи еще в памяти «Сказки старого Арбата», поэтической пьесы А. Арбузова о том, как необходимо людям искусство, как согревает души умная и веселая сказка. Роль художника-кузольника Баясникиова в спектакле исполняет Диордиев.

Диордиев ведет роль точно и без изыщества. Его Баясникову не чужда бравада, не чужды некоторые малые причуды, но как беззаветно любит он свою работу, как боится «выйти в тираж», как неуступчив в главном. И еще: по ходу действия Баясников — Диордиев читает прекрасные стихи Тютчева о вере в силы молодого поколения, о том, что старожилы, давая место новым пришельцам, должны встречать их без укоризны, без клеветы,

без озлоблений «на изменяющую жизнь». Так вот, эти строчки естественно и проникновенно, без единой фальши звучали в исполнении Евгения Яковлевича. Так проистекали горькие и светлые тютчевские строки мог только хороший человек, а не просто хороший актер.

ПОЗНАКОМИЛСЯ я с Евгением Яковлевичем, должно быть, в году сорок седьмом в Усть-Каменогорске. Он совмещал тогда обязанности директора и главного режиссера областного драматического театра, им по существу и организованного.

Евгений Яковлевич только что сыграл роль бесстрашного героя первой конной серба Олеко Дундича в одноименном спектакле.

— А сказать вам, чей образ больше всего меня волнует? Как я мечтаю воплотить на сцене черты своего великого земляка Георгия Димитрова.

— Земляка? — удивился я.

— В некотором роде земляка... Я же болгарин.

Мне вспомнился этот разговор теперь, потому что на мой аналогичный вопрос Евгений Яковлевич ответил сегодня так же, как и почти тридцать лет назад.

— Да, я болгарин. Мой дед из города Габрово, где юмор и шутки любят не меньше, чем в Одессе. Может быть, поэтому дед и переехал в этот южный город и стал выращивать под Одессой сладкий перец. А отец изменил ремеслу огородника — он служил почтowo-телеграфным механиком. У отца был превосходный голос и музыкальный слух. Он пел не только в церковном хоре, но и с самим Федором Ивановичем Шаляпиным, сопровождал его в гастрольной поездке по югу России.

...Женя Диордиев родился в Одессе. Он пошел в отца — пел, учился играть на скрипке у знаменитого профессора Столярского, на школьной сцене играл Подколесина в гоголевской «Женитьбе».

Потом муздрамин — музыкально-драматический институт имени Бетховена, лекции Якова Абрамовича Варшавского по драматическому искусству, клуб одесской милиции, где произошла запоминающаяся на всю жизнь встреча с чудесным артистом Алексеем Петровичем Харламовым, одним из корифеев Художественного театра, верным учеником Константина Сергеевича Станиславского, блестящим исполнителем роли Василья Пепла в первом горьковском спектакле «На дне».

Уже признанный актер, в июне 1941 года Диордиев вместе с другими копал окопы у Куяльницкого лимана, а гитлеровцы бомбили Перемышку, и взрыв фугаски тяжело контужил Евгения Яковлевича. Пришлось эвакуироваться в тыл, валиваться в госпитали.

Вот так он попал в Усть-Каменогорск, а вскоре после войны навсегда связал свою жизнь с Республиканским театром русской драмы, с театральным искусством Казахстана.

Театр стал академическим, Диордиев — народным артистом Союза ССР. Дни его заполнены заботами — и актерскими, и преподавательскими, и депутатскими. Как заместитель председателя комиссии Верховного Совета республики по науке, культуре и народному образованию он должен многое знать и многое делать. И делает в полную меру сил.

Символично, на мой взгляд, что живет Диордиев на улице Станиславского, великого артиста, создавшего систему переживания, систему перевоплощения. Евгений Яковлевич борется за добрые мхатовские традиции и очень хочет, чтобы этим традициям следовал его любимый театр. Театр имени Лермонтова.

Алексей БРАГИН.

На снимке: народный артист СССР Е. Диордиев. Снимок Э. Чиковани.